

БЛАЖЕННЫ ЧИСТЫЕ СЕРДЦЕМ (Сказание о Николае Ивановиче Кобозеве)

Кутолин С.А.

Сейчас непосвящённый читатель, желающий узнать подробнее о научных работах профессора МГУ [Николая Ивановича Кобозева](#), может конечно обратиться к биографическим справочным руководствам типа «Химики», Киев: Наукова Думка, 1984 или «Выдающиеся химики мира», Москва: ВШ, 1991. Сухой язык и неполные факты результатов научной деятельности... Ошибка? Незнание сути вопроса? Нет, слишком большие специалисты писали такие книги. Здесь другое! Не укладываются деяния этого человека в сухие строки справочных словарей. «Широк, широк русский чело век...». И сузить его невозможно. Физико-химик Николай Иванович Кобозев — это явление в мировой науке, также как и Чижевский, и Вернадский, и Зелинский и другие подобные им, охватывающие в своих учениях жизнь как Целое. Правда, недавно в журнале «Новый мир», выпуск 11 за 1991 г. в книге А.И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом» имеется небольшая глава «Николай Иванович Кобозев», написанная в трагических, тёмно-красных тонах полотен Эль-Греко. Для меня же этот человек с его неисчислимыми страданиями, страстями и творчеством всегда был и остаётся человеком, излучающим свет, радость творчества, рождаемого в муках, волю, терпение и смирение. Это был человек, который говорил про себя: «*Когда я думаю, – я молюсь*». Кратко можно сказать, что вся жизнь его – исполнение заповедей Нагорной проповеди Спасителя. Наверное, поэтому одним из любимых им четверостиший Ф.И. Тютчева было:

*Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец,
Кто, ратуя пал, побеждённый лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.*

Когда 13 февраля 1961 года состоялось моё первое знакомство с [Н.И. Кобозевым](#) в его квартире на 3-ей Тверской-Ямской, я увидел перед собой невысокого лысоватого человека с большой головой, чувственными губами сатира, ушами рыси, огромным лбом, светлыми глазами и внимательным и каким-то даже любопытным взглядом, взглядом удивления и юмора. Вся эта совокупность физических черт лица и полумрак квартиры, резные кресла старинной мебели – всё это вместе в первый миг запечатлелось в моём сознании фразой: «Он страшен! «Однако, в следующее мгновение, когда Николай Иванович заговорил, – это чувство исчезло и никогда не посещало меня, хотя наши встречи продолжались до конца его жизни, – 24 февраля 1974 г. И теперь практически по истечению почти 18 лет со дня ухода его из жизни, когда в своём рабочем кабинете я смотрю на его портрет, написанный маслом, мне кажется выражение его лица внимательным и красивым. Художник же писавший этот портрет, «крутил носом» и удивлялся асимметрии его лица.

Н.И. Кобозев создал при МГУ лабораторию «Катализа и газовой электрохимии». Несмотря на чисто химический, на первый взгляд, профиль его работ в лаборатории, – по существу им как учёным в полной мере охватывались громадные разделы смежных наук: физики элементарных частиц и квантовой химии, плазмохимии, биохимии, биофизики и биологии-кинематики живых организмов, неорганической, физической химии и электрохимии. Поражает список разделов, в которых работал Николай Иванович и в которых получил существенные результаты. Достаточно указать на платиновые и неплатиновые катализаторы в разведённых слоях, так называемый катализ «атомными ансамблями», когда массу материала, например платины, можно заменить группировками её атомов. Современные иммобилизованные ферменты-атомы вещества, закреплённые на органической подложке, – развитие положений теории учёного. Генератор

концентрированного озона, улавливание хвостовых газов озонным методом – непреходящий вклад в современную экологию, решение проблемы «озонной дыры». Электросинтез азотной кислоты из воздуха и воды, взрывная конверсия метана до водяного газа в двигателях внутреннего сгорания, и эффективные способы утилизации природных ресурсов в технически важные материалы. Использование ионов солей в растворах при больших разведениях в качестве средств роста и урожайности растений – тот метод, который в Японии получил название метода «пи-воды».

Эксперимент для учёного был лишь тактикой работы.

Его стратегией была теория. Им создано свыше 12 теорий, значение которых в плане превращения знания из незнания, постижения истины в испытаниях природы представляется поразительными. Это и теория адсорбционного водородного перенапряжения, и теория активных ансамблей на поверхности, аггравации-рекуперации энергии, каталазного действия и энергетического катализа в разрядах, расчёт промежуточных продуктов и скрытых форм катализа, опережающего комплекса в химической кинетике, открытие сверхпарамагнетизма металлов, высшей перекиси водорода и её рекомбинационного распада. Аналитический склад мышления Николая Ивановича доводит указанные теории всегда обязательно до конкретных численных расчётов и предсказаний.

Как же советская академическая наука оценивала все эти исключительные усилия учёного? Ещё в 38 году ак. Н.Д. Зелинский и Н.С. Курнаков представляли 34-летнего учёного к академическому званию. Тщетно. Затем ещё четыре или пять раз. По воспоминаниям жены учёного последний раз

«...выступил то ли ак. Фрумкин, точно не помню, может быть это был ак. Несмеянов и сказал: утверждать Кобозева нет смысла, он болен и к нам на наши заседания ходить не будет... И вопрос отпал».

Что же творилось в передовой советской химической науке в годы, когда жил и творил Н.И. Кобозев? Почему и за что такое неприятие его казалось бы передовых и ценных трудов, признаваемых широкой университетской средой и высшей школой у нас и за рубежом.

«Советская наука может гордиться работами Н.И. Кобозева... как своим крупным успехом. Я персонально выдвигаю работы профессора Н.И. Кобозева на соискание Сталинской премии по химии и считаю их безусловно достойными этой высокой награды».

Герой Социалистического Труда, академик Н.Д. Зелинский. 20 марта 1946 г., г. Москва».

Что заставило, например, 50 летнего учёного Н.И. Кобозева 23.03.54 г. написать в Комитет по Сталинским премиям такое письмо:

«Из газеты «Советская культура» я узнал о выдвижении моих работ по катализу на соискание Сталинской премии. Я думаю, что это недоразумение, так как ещё в январе 54 года я подал мотивированное заявление в Деканат и Партбюро химического факультета МГУ с отказом от выдвижения. Я не представлял документацию и работы за 53 год и не был проведен через Ученый Совет МГУ. В соответствии с изложенным прошу комитет считать моё выдвижение недействительным и не рассматривать моих работ».

Сколько было этих обращений учёного в одиночку и с единомышленниками о развитии советской науки...

«Председателю Совнаркома СССР В.М. Молотову»,

«Президенту АН СССР С.И. Вавилову»,

«В отдел науки управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) тов. Л.И. Мазуру»,

«Секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову»,

«Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу М.А. Суслову»,

«Председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову»,

«Первому Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущёву Н.С.

и пр., и пр. — «сим-сим, открой дверь!»

Но дверь не открывалась.

И страна катилась «вперед науки всей».

Для того чтобы отдалённо представить положение дел, обстоятельств, в которых приходилось творить и работать профессору Н.И. Кобозеву можно привести следующие показательные записи, сделанные ангелом-хранителем учёного, его женой Есфирью Ефимовной Гальбрайт (в крещении Екатериной), которая, не сгущая красок, пишет о жизни учёного:

«...Специальных записей я не вела. Да и нельзя было их делать, если вспомнить, в какое время прошла вся деятельность Николая Ивановича с молодых лет (20-40 годы) и до кончины, когда каждого истинно русского и интеллигентного человека окружала стена недоверия. А в отношении Николая Ивановича, который в это время был уже на виду, это недоверие сознательно подогревалось целой группой, уже тогда облачённых властью лиц (впоследствии академиков), ставшими его (хорошо бы только открытыми) тайными врагами. В таких условиях и речи не могло быть о дневниках, переписке и пр. Тем более что вскоре стало и не до того, ибо с 32-х летнего возраста Николай Иванович стали одолевать болезни «оптом» и в «розницу».

Это можно сказать был фон, на котором разыгрывалась трагедия его научной жизни. А что она была именно трагедией – станет ясно из последующего.

Паскаль писал: «Достоинство человека в его мыслях». Это в высшей степени относится к Николаю Ивановичу. Он был человеком возвышенных достоинств. Духовная широта, бескомпромиссность, гордая совесть и душевная щедрость — всё это было при нём всю жизнь. Мыслитель, рождённый в запретительное время, и в результате, он боец. Боец в широком плане не только за истину в науке, но и за отечественное в науке. В угоду честлюбию и нужде он не жертвовал своей независимостью и потерю её считал бы унижением для себя. В нём таилась какая-то спасительная нравственная сила, порождавшая настоящую потребность в постоянном творческом труде. Это была его святыня, в которой он мужал и успокаивался от всех житейских тревожений и суеты. Какая-то удивительная расположенность к собеседнику была отличительной его чертой. Даже в последние годы жизни, когда он страдал сильными болями в костях и уже не вставал, он находил в себе силы встретить ученика или друга с приветливым лицом. Его неизменное дружеское расположение почти всегда выражалось в дружелюбном выпаде к посетителю, что почти тотчас рождало ответную реакцию, и непринуждённая беседа начиналась. И Николай Иванович поражал всегда собеседника своими искромётными неожиданными мыслями.

Язык его был красочен, самобытен, ярок. Точное слово и неоспоримый довод – казалось мысль приобретала плоть. Это точное самобытное слово можно проследить во всех его научных работах, особенно тех, где он выступал без соавторов. Он в совершенстве владел искусством научного, философского и житейски-философского разговора. Поражала интенсивность его интереса к тем, кто обращался к нему. И в этом случае, если человек был дружественный, доброта его была стихийна. В людях он больше всего ценил то неповторимое, что в каждом человеке есть и умел это найти. Правда его добродушие часто приводило к конфликтным ситуациям, и тут он страдал, но страдал молча. Он творил, если так можно выразиться, в тишине. Враждебные и даже безучастные силы как бы не задевали его. И, становясь всё более зрелым учёным, Николай Иванович овладевал научным мышлением до виртуозности. Казалось бы, это была не наука, а искусство мыслить. Всякие препятствия только возбуждали в нём ещё большую силу, сопротивление, упорство, уверенность в правильности им избранного пути».

Николай Иванович был хорошим художником; и свои гипотезы мог строить пространственно. Поэтому мысль его лишена недоступной абстрактности и всегда была ясна, конкретна и гармонична в полном согласии теории и эксперимента. Когда читаешь его труды, то охватывает чувство широты, полноты, объёмности. Это, по-видимому, следствие непоколебимой сосредоточенности, которая с каждым годом увеличивала внутреннюю упорядоченность его творческого процесса.

Поэтому вновь и вновь объявляемая ему война и разрушение не приводили его ни в негодование, ни в нетерпение. Он просто отвечал на всё удвоенной продукцией и с разрушениями боролся лишь в той степени, чтобы сохранить свою самостоятельность и самобытность в творчестве. Для внешней борьбы у него не хватало здоровья, но с ошеломляющей

одновременностью он брался за разные проблемы, и в этом причина, что он оставил такое богатое наследие. И если бы не болезни и отсутствие самых необходимых для большого учёного условий, если бы не сопротивление, отовсюду оказываемое его творчеству и инициативе, научное могущество Николая Ивановича проявилось бы так, как оно проявляется в каждом «посвящённом».

А то, что Николай Иванович из «посвящённых» – сразу поняли и ак. Фрумкин А.Н. и ак. Бах А.Н.. И когда на упорные предложения Фрумкина перейти из МГУ в карповский институт Николай Иванович ответил категорическим отказом, то Фрумкину стало ясно, что Кобозева ему не удастся заставить работать на себя. В это-то время А.Н. Бах сказал как-то о нём:

«Какой-то Кобозев появился, у него, говорят, блохи в голове прыгают. Ну, ну, ничего, посмотрим, как он кончит. Это звучало почти угрозой. И эта угроза нависла над Николаем Ивановичем на всю его жизнь, над всей его деятельностью, над каждым его мероприятием, над каждой выдвигаемой им проблемой».

Действительно, в воспоминаниях современников, опубликованных в последнее время, благообразный старец от Академии предстает весьма своеобразной фигурой:

«Великий и злой сплетник Бах, с которым любил шептаться Троцкий»

(см. Н. Валентинов-Вольский. *НЭП и кризис партии после смерти ЛЕНИНА*. М., 1991, С.325). Или такое примечательное свидетельство Вл. Бурцева в кн. «В погоне за провокаторами» М. 1989, С.4: *«Однажды Серебряков пообещал познакомить нас, участников «Свободной России» с своим хорошим другом, приятелем Ландезеном, другом эмигранта А. Баха, с кем тот проживал на одной квартире последние два года в Париже».*

Ландезен, он же Геккельман, он же Гартинг А.М. – провокатор-охранник, уволенный после разоблачения в отставку с пенсией и с производством в действительные статские советники. Поневоле скажешь пословицей: «Скажи, кто твой друг.»... Вот завязка трагедии Кобозева как учёного и человека. Однако обратимся к воспоминаниям его жены:

«Эту угрозу тем легче было выполнить, что Николай Иванович уже тогда слыл в университете «притчей во языцех». Ведь доминирующим умонастроением молодёжи, за малым исключением, был атеизм, полное безбожие. Это считалось само собой разумеющимся, не подлежащим обсуждению. Особенно среди еврейской молодёжи это выносилось за скобки. А Николай Иванович в пылу философского спора с Моисеем Каганом сказал как-то, что в конце концов он может доказать Бытие Божие, а тот разболтал (или сознательно?). Тогда это Николаю Ивановичу сошло, но не забылось до конца его жизни....».

В результате своего независимого и бескомпромиссного поведения Николай Иванович вскоре нажил себе ещё одного злейшего врага в лице физика Ландау. Дело происходило так.

«После доклада В.К. Семенченко в Днепропетровске на конференции в 1929 г выступил Ландау и стал нагло, голословно и развязно охаивать докладчика, не касаясь доклада по существу. Через какое-то время Николай Иванович подошёл к председателю Бродскому и сказал, что снимает свой завтрашний доклад, если Ландау не извинится перед Семенченко. На следующий день Ландау извинился. Но с этих пор физики стали смертельными врагами Николая Ивановича, его работы в смежной области с физикой впоследствии «ходили по мукам» — рецензии давались по два-три года».

Ну, теперь-то мы уже хорошо знаем, что «Дау кусался».

На основании этих досужих разговоров возникала и муссировалась легенда об антисемитизме Н.И. Кобозева. Это тем более страшно, что такие обвинения бросались в адрес православного учёного, который собирался в течение своей научной деятельности обосновать Бытие Божие. Известная Тора-пятикнижие Моисея входит составной частью в Библию – её Ветхий Завет и тем самым история богоизбранного еврейского народа составная часть православного христианства в том числе. Обвинения Н.И. Кобозева в антисемитизме столь же беспочвенны, как и обвинения Н.С. Лескова в антисемитизме за то, что он написал «Жидовскую кувырколлегию». Всё дело в другом. А именно в том, что было разъяснено его женой и другом Э.Е. Гальбрайх.

Преднамеренная замена понятия православных установок учёного «антисоветизмом» и превращением его в «антисемитизм». С таким же успехом В.С. Соловьёва можно было бы признать антисемитом только за то, что он написал «Национальный вопрос в России», «Евреи, их вероучение и нравоучение», «Талмуд и новейшая полемическая литература о нём в Австрии и Германии». Решение же вопроса как видим с «антисемитизмом» Н.И. Кобозева было достаточно прозрачно: «фарисейство и саддукейство от науки» пыталось устранить своего противника, возможно, посредством стратегической разработки, предложенной народовольцем А.Н. Бахом, которому были небезызвестны приёмы царской охранки. Вот как описывает сподвижник Н.И. Кобозева проф. С.С. Васильев методы «обработки» талантливой молодёжи:

«...Н.И. Кобозева и меня, по-видимому, имелось ввиду привлечь в «высшие сферы». Поэтому после одной из конференций, нас пригласили на ужин в квартиру Баха. Было накрыто несколько столов. За столом, за которым посадили нас, сидел сам Бах, его дочь, Ник. Ник. Семёнов и несколько других лиц. Семёнов рассуждал: «Для научной работы вовсе не нужно иметь глубокие научные познания, какую-то особенную подготовку. Поэтому я (т.е. Семёнов) берусь взять любого узбека (он почему-то установил свой взор на узбеке) и быстро сделать из него специалиста по химической физике». У меня, прошедшего суровую школу у В.С. Гулевича, эти разговоры вызвали только недоумение, но я молчал. Взглянув же на Н.И., я прочёл на его лице нескрываемое презрение к «удальству» будущего главы химической физики в СССР... Было ясно, что у нас с баховцами ничего не получится. Ужин за исключением агитации Семёнова прошёл в молчании. Больше нас к «интимным беседам» не приглашали».

Приведённые отрывки из воспоминаний так красочно рисующие обстоятельства «дела Кобозева» позволяют почувствовать ту атмосферу, в которой происходило становление и мужание молодых учёных, вся жизнь которых как людей православных была путём «испытаний и скорбей», почувствовать и причины, по которым им не следовало ждать из «высших сфер», в том числе и правительства, каких-либо ответов на свои многочисленные письма с пожеланиями улучшить положение в стране с химической наукой. Эти учёные оказывались не просто за железным занавесом, а за двойной стеной глухого молчания, откуда «глас вопиющего в пустыне» не доносился и только робкие призывы гигантов химии, таких как академики Н.С. Курнаков и Н.Д. Зелинский, нарушали эту тишину, этот заговор молчания. Но и они не возымели никакого действия.

ВРЕМЯ, ЖИЗНЬ, МЫШЛЕНИЕ И ИНФОРМАЦИЯ становятся основным лейтмотивом творчества проф. Н.И. Кобозева, начиная с 45 года, когда впервые в «Узком» под Москвой он ставит свои знаменитые опыты по законам биологической кинематики, вводя представления об **обобщённой энтропии** (аналоге кибернетического потенциала Н. Винера, но независимо от него), а в теории векторно-броуновских процессов постигает тайны классических категорий эллинизма «хаоса и порядка», управляющих нервными, психическими функциями живых тел. В биологической серии МОИП за 1948 г. появляется эта обширная и исчерпывающая работа, а затем в Т.3 этого же сборника за этот же год появляется работа: «*Несколько критических замечаний о книге Э. Шредингера «Что такое жизнь с точки зрения физики»*».

«Высшие сферы» академической науки встревожены. Кобозев опять что-то придумал... Ждут подходящего момента и подходящего человека, которому можно поручить «дело». В молодых кандидатах, жаждущих почестей и славы отбоя нет. Время суровое, «лысенковщина» торжествует. Вот, в это-то «замечательное время» в «Литературной газете» в субботу за 4 февраля 1950 г., где публикуется знаменитая статья А. Фадеева «О задачах литературной критики», в этой же газете, только на последней странице, с которой как показывает статистика и начинается чтение газет вообще, помещена статья кандидата химических наук В. Гольданского «Лженаучные вымыслы проф. Н.И. Кобозева».

Бежит время... Виталий Иосифович Гольданский сегодня уже маститый академик, масса медалей и научных премий, глава Пагоушского Сопещения, недавно прекрасно смотрелся по телевидению как избранник народа на съезде народных депутатов СССР, а теперь также прекрасно смотрится по тому же телевидению как представитель науки среди сторонников

Лужкова, как и немного ранее приятно смотрелся среди друзей Серго Лаврентьевича Берия в телепередаче – попытке реабилитации самого Лаврентия Берия. Воистину: «*O temporis, o moris!*». Но что же писал о «лженаучных вымыслах» в ту далёкую пору и тревожную пору простой кандидат химических наук?

А вот что:

«Труд Н. Кобозева с его псевдонаучной терминологией и множеством математических уравнений, маскирующих лженаучность его идей, может служить иллюстрацией к известному высказыванию Ленина о физических идеалистах, у которых «материя исчезает, остаются одни уравнения»...бесцельность, случайность развития, принижение сознательной человеческой деятельности – это старая проповедь идеалистических мракобесов... Не приходится сомневаться в том, что вредные, лженаучные концепции проф. Кобозева находят отражение не только в его «исследованиях», но и во взглядах его учеников и сотрудников в Московском государственном университете. Это со всей очевидностью сказалось на проходившем недавно обсуждении «труда» Н. Кобозева на философском семинаре химического факультета МГУ. Аспиранты Ю. Филиппов и О. Полторак, а также проф. С. Васильев выступили с рьяной защитой вредных измышлений проф. Н. Кобозева, утверждая, что работы его не содержат никаких философских ошибок... Свежий ветер научной критики после августовской сессии ВАСХНИЛ, видимо, не затронул ещё по-настоящему некоторые факультеты Московского университета. А в этом есть большая необходимость!»

Вот к каким приемам прибегали в недавнее время «тайные и явные» противники учёного. Если для П.А. Флоренского «истина-антиномия», для Н.П. Рашевского «модель-структура» (отсюда и «История глазами математика» по работам Питирима Александровича Сорокина), для Тейяра де Шардена «космология — феномен человека», то для Н.И. Кобозева «хаос-порядок» — все формы живой и мёртвой природы. Но все вместе они усматривают в жизни «ЦЕЛОЕ» как представители цельного знания, для которых формула Василия Великого «познаем не числом, а естеством» единственно приемлемая форма познания ПРИРОДЫ. Какова бы ни была физиологическая и психическая сложность живой природы – в ней неустранимы векторно-броуновские процессы, а сам характер векторизации содержит те формы кибернетического потенциала, которые характеризуют иерархическую сложность живой материи, ту сложность которая позволяет отличить психический бред от дискурсивного мышления. Много позднее Н.И. Кобозева эта задача решалась на уровне математической лингвистики; и было доказано, что единицы текста, обладающие «стёртой» семантикой, доказывают хорошее согласие своих распределений с теоретическими законами Гаусса и Пуассона – Смолуховского, которые лежат в основе теории векторно-броуновских процессов по Кобозеву. Но всё это было доказано в науке много позднее Н.И. Кобозева, а в 1948 г это было исследование независимо выполненное – и от К. Шеннона, и от Н. Винера. И здесь про учёного можно сказать словами В. Высоцкого, написанными им за несколько дней до смерти:

*Мне меньше полувек — сорок с лишним,
Я жив двенадцать лет, тобой и Господом храним.
Мне есть, что спеть. Представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед НИМ.*

ВРЕМЯ

Проблема времени в учении Н.И. Кобозева о векторно-броуновских процессах неразрывно связана с проблемой ЖИЗНИ. Это уникальное по своему замыслу теоретическое эссе учёного выделяет два временных процесса: трансляционное и дисперсионное, то есть время развития коллектива и время развития личности. Первое может быть уничтожено обстоятельствами, второе – никогда. При этом трансляционное время – это наше привычное, эллинское, световое время. Вот как Н.И. Кобозев пишет об этом: *«Догматические споры 4-го и 5-го веков о единосущности и подобносущности Отца и Сына, по разъяснению св. Иоанна Златоуста имели смыслом утвердить пребывание Сына вместе с Отцом «прежде всех век» до возникновения Времени и лишить Хронос его верховной власти над миром. Но, несмотря на Откровение Иоанна Богослова, несмотря на Символ Веры, наше привычное мышление остаётся традиционно эллинским и связанным с текущим временем».*

Автор работы «ВРЕМЯ» приходит к важному выводу. –

«...неопределённость энергии, взятая по вектору «жизнь-смерть» очень мала и возможно даже близка нулю.... Сам акт смерти есть отрыв временного «клубка» личности от потока текущего времени. Этот клубок потенциально бессмертен, поскольку для него уже нет текущего времени: «...И времени уже не будет»».

Любопытно отметить, что А.И. Солженицын, ознакомившись с этой работой автора, сделал серию интереснейших примечаний к этой работе, среди которых укажу только два: *«общее впечатление — огромность», «чем больше скорость движения объекта, тем быстрее он эволюционирует (а в лагере?)».* И здесь можно заметить, что скорость движения объекта может находиться в области рефлексии, то есть мыследеятельности образами или дискурсией, а в этом случае эволюционирование может быть мгновенным и в лагере, где создавались, в том числе, и художественные произведения. Ещё не успела вода вылиться из кувшина, а Магомет облетел все владения ада и рая.

С 60-х годов Н.И. Кобозев приступает к систематическому исследованию в области термодинамики процессов информации и мышления, которое завершилось опубликованием им монографии на указанную тему в 1971 г в издательстве МГУ. Когда вышла эта последняя его теоретическая работа, незадолго до смерти (1974 г) он как-то сказал: *«Я бы хотел начать с того, к чему пришёл».* К этой монографии не были опубликованы комментарии учёного. Несколько выдержек из этих комментариев, я хотел бы привести на страницах этой статьи; тем более что они были переданы мне автором лично с просьбой заговорить о них, когда время и обстоятельства позволят это сделать:

«Написав монографию, я не хочу, чтобы из неё были сделаны неправильные выводы, служащие к соблазну «одного из малых сих».

Для этого нужно дополнить содержание тех выводов, которые записаны в самой монографии, но не были точно определены, так как это выводило бы их за пределы того, что принято считать «научным трудом». Отмечу их по пунктам:

1. Невыводимость мышления из информации (гл. IV)

...человеческий разум не может быть результатом эволюционного перерождения функций информации в функцию мышления. Эта последняя способность должна быть нам дана, а не приобретена в ходе развития.

2. Символ

...Каждая раса, народ, племя – даже самое отсталое – имеет свою символику; прежде всего в языке, в Слове. Так как вначале было Слово. Эта способность также не приобретенная, а данная, которой не обладает никто, кроме людей. Она оттуда же, откуда и человеческое мышление – Сверху. Только способность к мышлению породила потребность в языке, в символе. Если нет символа, нет и мышления.

3. Отрицательная энтропия (антиэнтропия)

Отрицательная энтропия есть необходимое условие упорядоченного мышления и, видимо, упорядоченной психики в целом. В то же время антиэнтропия есть запрет воспроизведения, изготовления системы».

В этих комментариях автор не ограничивается рассмотрением проблематики только со стороны категорий, с которыми он оперирует, то есть информация, мышление, символ, антиэнтропия. Он пытается найти общее между современным научным мировоззрением и религией, указывая на следующие этапы такого развития. –

«Телеология

1. Первое научное мировоззрение-Аристотель + Бог.

2. Второй этап – Декарт-Лейбниц-Ньютон + Бог.

Причинность

3. Третий этап. От Дарвина до нас – Бог (материя-энергия-процесс-частица).

4. Четвёртый этап. От нас и дальше (? Бог).

Основная проблема: ВРЕМЯ – и его обратимость.

Отсюда:

- а) одухотворение материи,*
- б) бессмертие,*
- в) равновесие жизни – витальное равновесие и возникновение жизни.*
-

Поражает глубина и мощь рефлексивных установок автора «Комментариев», которая сродни религии культа П.Флоренского (см. Богословские Труды, т. 17, ИМП, 1977), размышлениям знаменитого хирурга Войно-Ясенецкого (архиепископ Лука) в его книге «Дух, Душа, Тело», Брюссель, 1988.

Данное сказание хотелось бы закончить цитатой из замечательной книги Жака Лева «Великие учителя молитвы», Брюссель, 1986:

«...Так Илия возвращается к источнику веры своих отцов, он идёт навстречу Богу. Заметьте, путь был длинным, – эти сорок дней напоминают о сорока годах Исхода и предвещают сорок дней искушений Иисуса в пустыне, – и встреча с Богом не определена – ни по времени, ни по месту. Нужно просто идти навстречу смиренно и терпеливо. И Господь таинственным способом поддержит нас в пути, даже если мы этого не замечаем».

Публикуется по:

Химический дизайн. Контекст-хроника как опыт рефлексии в естествознании. {к биографии Н.И.Кобозева) Новосибирск: Изд.-во Chem.Lab.NCD, 1999. – 275С. ISBN-0-8247-2497-6

Весь сборник в [формате PDF](#) (1 979Кб) на сайте автора.

Кутолин С.А. «Блаженны чистые сердцем» (Сказание о Николае Ивановиче Кобозеве) // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.12388, 30.08.2005

Кутолин Сергей Алексеевич, – профессор, доктор химических наук (1969), академик Российской Академии Транспорта (1991), академик Международной Академии Центра Ноосферной Защиты (1996), зав. кафедрой "Химия" Сибирского Государственного университета Путей Сообщения (СГУПС), научный эксперт Русского Физического Общества

<http://globallib.ru/a.php?id=27491>

Russian Physical Society, International, 2013